

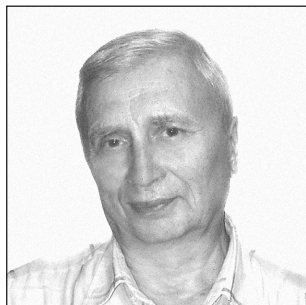

Д

ETERМИНИЗМ

КАК ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Г.Б. ОРЛАНОВ

В статье рассматривается доминирующая сегодня в естествознании и социальных дисциплинах тенденция трактовать детерминизм как понятие, утратившее свое былое значение в научных исследованиях. Предпринимается попытка обрисовать контуры одного из возможных подходов к детерминизму, который был бы созвучен современной научной и социальной проблематике. Определенный выход из «тупиков» классических представлений дает направление анализа, которое условно можно обозначить как «прецедентный детерминизм». В области социальных наук представления о детерминизме выступают основанием для концепций социального управления. Исследование взаимосвязи детерминизма и управления позволяет содействовать поиску новых форм поддержания социального порядка в современном обществе с его возрастающей динамикой и необходимостью радикальных преобразований в системах управления.

Ключевые слова: детерминизм, «прецедентный детерминизм», конвенция, концепт, когнитивный подход, конструирование, социальное управление, «прецедентное управление», гражданское общество.

Традиционное понимание детерминизма и его «тупики»

Некоторые научные понятия в наибольшей степени концентрируют в себе кризисные ситуации при смене парадигм мышления. К таким понятиям явно относится детерминизм, который после своего золотого века в эпоху классической науки стал стремительно терять «кредит доверия» у современных ученых. В естествознании острые дискуссии по проблемам детерминизма (и причинности) велись почти весь XX в. и не утихают до сих пор. В социальных и гуманитарных науках сомнения в ценности этой категории наиболее интенсивно стали выражаться в последние несколько десятилетий. Если не считать представителей постмодернизма с их радикальной критикой фундаментальных понятий классики, то, вероятно, наиболее отчетливо подобные сомнения прозвучали при определении замысла XVII Всемирного социологического конгресса (Гётеборг, Швеция, 2010), основная тема которого определялась как «Социология в движении» (“Sociology on the move”). Предлагая эту тему, организаторы начинали разъяснение своих замыслов с фразы “Determinism is dead in the social sciences”. Вероятно, «смерть детерминизма» предлагалось рассматривать как одно из самых существенных «движений» социологии, выражающих одновременно и значимость этой категории для прежнего этапа развития науки, и потерю доверия к ней в новой ситуации.

Обобщая, можно сказать, что в последнее столетие детерминизм постоянно наталкивался на границы собственной применимости в статистической физике, генетике, квантовой механике, синергетике, социологии, других науках, что подрывало его статус «символа веры» всякого научного исследования. Усиливались тенденции к истолкованию детерминизма как периферийного понятия, полезного лишь на отдельных участках научных исследований – в диапазоне действия объектов, допускающих значительные огрубления характеристик. И это – в лучшем случае. В худшем следовал полный отказ от блока детерминистских понятий в различных версиях постмодернизма и индетерминизма.

Известно замечание А. Эйнштейна о том, что если бы ему пришлось отказаться от строгой причинности, то он предпочел бы стать «сапожником или крупье в игорном доме, нежели физиком»¹. В частности, вся аргументация Эйнштейна в его известных дискуссиях с М. Бором строится «от веры» в такую строгую причинность и связанную с этим надежду обнаружить «скрытые параметры», показать «не-

¹ Цит. по: Пригожин И., Стенгерс И. *Время, хаос, квант. К решению парадокса времени.* М., 2000. С. 222.

полноту квантовой теории». Однако для многих коллег Эйнштейна такие его устремления послужили лишь поводом сожалеть, что в данной ситуации великий физик оказался в плену старых представлений. В. Гейзенберг, например, считал, что Эйнштейн так и не смог понять процессов, описываемых квантовой механикой².

В социальном знании контрдетерминистические установки часто проявлялись в критике монокаузальности – подхода, который, как считается, связан с неизбежными противоречиями при объяснении исторических трансформаций. Так, концепцию М. Вебера нередко упрекали в «парадоксе каузальности». С одной стороны, Вебер всегда стремился к каузальному социологическому объяснению, причем с ясным пониманием конструктивистского характера таких инструментов познания, как *идеальный тип*³. Каузальный подход предполагает выделение решающего фактора в том многообразии событий, с которым связан определенный поворот в истории. Стремление обнаружить собственно причину – а значит, и механизм – дает надежду на построение детерминистической картины, на описание некоторой закономерной исторической траектории.

С другой стороны, Вебер прибегает к понятию однократной исторической «конstellation» – неповторимого и нерасчленимого сочетания многообразных причин, определивших тот или иной поворот истории. Например, становление капитализма у Вебера обусловлено именно такой однократной констелляцией. Но в таком случае, строго говоря, не получается каузального объяснения. В «точках бифуркации» нельзя вычленить решающий фактор и спрогнозировать будущее состояние системы исходя из знания ее предшествующего состояния. И это принципиальное соображение, поскольку новое состояние только возникает в подобных точках и не предопределяется прежним состоянием.

И. Валлерстайн также в духе однократной исторической констелляции трактует процесс возникновения капитализма. Но детерминизм он сознательно отбрасывает. По его мнению, «есть все основания рассматривать произошедшее как нечто экстраординарное, неожиданное и, безусловно, недетерминированное»⁴. Правда, сам образ мышления автора несет в себе явные «признаки каузальности». В том же абзаце, чуть выше цитируемого фрагмента, Валлерстайн говорит о «решающем факторе», обеспечившем легитимизацию «капиталистических групп» – о неожиданном ослаблении «социальной оппозиции капитализму».

П. Штомпка стремится совместить детерминистические и индетерминистические позиции. С одной стороны, имея в виду современ-

² Гейзенберг В. Часть и целое // Проблема объекта в современной науке. М., 1980. С. 82.

³ «Чтобы обнаружить действительные каузальные связи, мы конструируем недействительные» (Weber M. *Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre*. Tübingen, 1951. S. 287).

⁴ Валлерстайн И. Социальное изменение вечно? Ничто никогда не изменяется? // Социологические исследования. 1997. № 1. С. 17.

ную социологию, он констатирует: «Господствующим является убеждение в частичной индетерминации (необъяснимости конкретными причинами) явлений социальной жизни и непосредственном, основанном на рефлексии воздействии социальных знаний на общество»⁵. С другой стороны, определяя социологию, Штомпка все же придерживается канонов каузального мышления. В частности, социологию он трактует как науку «о людях, которые превращают повторные, фиксируемые их сознанием, иногда непреднамеренные результаты и последствия своих действий в те структурные и культурные рамки, в которых происходят дальнейшие действия последующих поколений»⁶. Попросту говоря, если есть повторяемость, есть и регулярность. Если есть регулярность, есть и закономерность. Если есть закономерность, есть и детерминизм. Фактически, у Штомпки получается вариант того же «каузального парадокса». И даже более того – возводится в норму факт неизбежного присутствия каузальных парадоксов при объяснении социальных явлений. А может быть, это и является «естественной нормой» для языка социологической теории? Этот язык погружен в практику обыденного словоупотребления. Для него совсем не обязательно – или трудновыполнимо – введение уровней, как в формальных языках, с целью устранения парадоксов, что, например, попытался реализовать Б. Рассел в своей «теории типов».

Принимая идею своеобразного равноправия детерминизма и индетерминизма, не попадаем ли мы снова в тупик? В частности, мы должны признать, что именно в недетерминированных областях происходят (необъяснимым образом) самые существенные изменения – смены парадигм развития. Кроме того, позиция *частичного* индетерминизма/детерминизма порождает далеко не поверхностные ассоциации с возможными словосочетаниями, с которыми трудно смириться, хотя, вероятно, «игра» с ними может открывать какие-то новые пути рационального анализа. Например, возникают ассоциации с «частично вневременными процессами», «частично внепространственными объектами» и т.п. Конечно, в ментальном поле правомерно конструировать любые абстракции. Но интуиция противится признанию реальности процессов и объектов (во всяком случае социальных), *частично* находящихся вне времени и пространства, как бы радикально ни менялись представления о последних. Во всяком случае, необходимо с достаточной убедительностью привязать подобные абстракции к практике человеческих действий.

Стремясь привязать любые теоретические соображения к практической деятельности, не наталкиваемся ли мы на жесткую дилемму: либо детерминизм есть, либо его нет? Если так, то трактовка в духе

⁵ Штомпка П. Социология. Анализ современного общества ; пер. с польск. М., 2008. С. 23.

⁶ Там же. С. 32.

принципа дополнительности вряд ли помогает, хотя, вероятно, и уместна для особых случаев. Если придирается к словам, то частичного детерминизма/индетерминизма не может быть, как, например, не может быть частичной беременности. Вообще возможно ли на практике совмещение двух вариантов в частичном исполнении, если одно решение исключает другое? В реальном, а не в абстрактно сконструированном пространстве человек может свернуть на дорогу либо вправо, либо влево. Он не способен, свернув вправо, все же двигаться еще и «частично влево». Могут ли здесь помочь попытки провести какие-либо аналогии, например, с корпускулярно-волновым дуализмом или с «сумасшедшими» геометриями? Обязателен ли для человеческого взаимодействия с миром перевод любого абстрактного описания в биполярную оппозицию да–нет, пригодную для принятия решений и в конечном счете для выживания в реальном мире?

Альтернатива перспектив: детерминизм в энциклопедических статьях

Сложность проблематики вынуждает авторов статей в философских словарях и энциклопедиях к очень осторожным оценкам философских перспектив жизнеспособности категории детерминизма. Если оставить в стороне вынужденную обтекаемость высказываний и общие «непроблемные» описания классического детерминизма, то можно выделить два основных варианта «предсказаний судьбы».

В первом варианте детерминизму отказывают в философских перспективах, констатируя превращение его в одну из частных моделей закономерностей объективного мира. Это весьма распространенная точка зрения многих естествоиспытателей, социологов и философов. Может быть, наиболее отчетливо ее зафиксировал С.А. Лебедев⁷. Решающим признаком детерминизма при таком подходе выступает «регулирование всех отношений в мире объектов однозначными причинно-следственными и функциональными законами».

Во втором варианте выражается желание сохранить детерминизм, но в «новом образе». Этот образ связан, с одной стороны, со стремлением не порывать с традициями философской рефлексии, а с другой – дистанцироваться от непродуктивных ассоциаций классических трактовок⁸. Среди нежелательных ассоциаций – линейный ха-

⁷ Лебедев С.А. Философия науки: краткая энциклопедия (основные направления, концепции, категории). М., 2008. С. 194.

⁸ См., например: Можейко М.А. Неодетерминизм // Постмодернизм. Энциклопедия. Минск, 2001. С. 502–509.

рактер связей, преформизм, наивно-реалистическая трактовка отношений между моделью и самой реальностью, невозможность понять возникновение принципиально нового и адекватно представить себе развитие в природе и обществе, неизбежные элементы фатализма, присутствующие в классических доктринах исторического процесса, и т.п. Иначе говоря, чтобы сохранить «детерминизм», требуется концептуально оформить «высший тип детерминизма – детерминизм с пониманием неоднозначности будущего», если воспользоваться выражением Е.Н. Князевой и С.П. Курдюмова.

Ко второму варианту примыкает позиция, представленная, например, в «Новой философской энциклопедии», где автор статьи о детерминизме связывает перспективы категории с диалектически гибкой трактовкой взаимосвязи внешних и внутренних факторов жизнедеятельности систем. «Жесткая» детерминация внешними факторами дополняется активной самодетерминацией системы. При этом модели самоорганизации выступают как синтез двух крайних базовых моделей, делающих упор либо на внешних, либо на внутренних детерминантах⁹. Дисциплинарная разобщенность исследований проблематики детерминизма и отсутствие убедительной «сквозной» трактовки привели составителей энциклопедии к решению дать отдельную статью по *детерминизму в социальных науках*, которая в свою очередь состоит из трех частей, написанных тремя авторами.

Видимо, тот же дефицит концептуальных представлений вынудил составителей одноименной «Энциклопедии эпистемологии и философии науки» ограничиться только статьей Г.И. Рузавина по одному из ключевых вопросов понимания детерминизма¹⁰. В статье не без основания отмечается ограниченность трактовки закона как «внутренней и необходимой связи между явлениями», что ведет к исключению возникновения регулярности из взаимодействия случайностей. Констатируется, что современные исследования в неравновесной термодинамике и особенно в синергетике раскрыли конструктивную роль случайностей, подтверждая тем самым глубокую идею античных философов, что без возникновения случайностей невозможно формирование новых структур и порядка в мире.

Представляется, что такую позицию можно было бы расширить в направлении социально-гуманитарной проблематики, если пытаться все-таки оценивать философские перспективы детерминизма. При этом хотелось бы учесть как минимум два методологических соображения. Одно из них носит общий характер: для существ-

⁹ Сачков Ю.В. Детерминизм // Новая философская энциклопедия. 2-е изд. М., 2010. С. 631–632.

¹⁰ Рузавин Г.И. Детерминистические и стохастические законы // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М., 2009. С. 173–175.

вования систем не всякая новизна одинаково полезна. «Новые случаи» могут прерывать развитие и уничтожать жизнеспособные структуры, т.е. во всякой системе должен присутствовать механизм (например, механизм управления), задающий приемлемый для сохранения и выживания способ сортировки и отбора случайностей. Иначе говоря, случайность *вместе* с необходимостью вносит «свою конструктивную роль» в обновление структур и порядка. Еще у Эпикура предсказуемое движение атомов как-то сочеталось с самопроизвольным отклонением их траекторий, что, кстати, позволяло автору соотносить атомизм с социальной проблематикой свободы человека. То есть Эпикур, можно сказать, предчувствовал ограниченность того подхода, который появился гораздо позже и показал себя весьма продуктивным, получив название лапласовского детерминизма. Иначе говоря, древние мыслители вводили в оборот не только идею о роли случая в развитии объектов мироздания, но и идею *баланса необходимого и случайного*, «меры» их сочетания, некоего их «золотого сечения» в процессах возникновения новых структур и порядка.

Для человека – и это второе соображение – детерминизм выступает прежде всего как самодетерминация процесса создания «второй природы» – культуры. Факторы «первой природы» являются по большому счету лишь *условиями* конструирования новой социальной реальности, или «детерминантами-условиями». В социуме детерминация фактически совпадает с механизмами управления/самоуправления, проявляясь в удачном или неудачном балансе этой «пары», например балансе государственного управления (управление «сверху») и самоуправления (управление «снизу» – самими структурами гражданского общества). При этом управление сверху по сути имеет производный статус в отличие от управления снизу, обладающего базовыми характеристиками. Так или иначе при всех исторических коллизиях «мощность мотора» самодетерминации задается «социальным контрактом», который и закладывает баланс оптимального распределения многочисленных факторов развития. Разумеется, социальный контракт должен быть открыт для внесения поправок. Вероятно, в нахождении и перманентном уточнении такого баланса и кроется тайна успешной социальной динамики, если посмотреть на ситуацию с точки зрения «природного» устремления *каждого* человека к творческому созиданию *своей собственной* микросреды в качестве позиции или контрпозиции в общем поле культуры.

Может быть, ключи к «новому детерминизму» следует искать не только в сфере естествознания с последующими попытками «открыть двери» и в социальную проблематику, но и на путях междисциплинарного анализа «науки-искусства» управления? Может быть, ключи к анатомии детерминизма спрятаны в теории

и практике управления/самоуправления? Человек конструирует реальность, отбирая индивидуальные находки и превращая «полезные случайности» в необходимые социальные институты и нормы.

Новый путь И. Пригожина

Не желая расставаться с реализмом в понимании физической сути теоретических конструкций и намечая, конструируя, схему возможного выхода из «тупиков» классической науки, И. Пригожин полагает, что на наших глазах формируется «промежуточная» картина мира между двумя противоположными – «детерминистическим миром и произвольным миром чистых событий». По его мнению, «реальный мир управляется не детерминистическими законами, равно как и не абсолютной случайностью»¹¹. Есть некоторая «узкая тропинка», позволяющая избежать драматической альтернативы между слепыми законами и произвольными событиями. По этой тропинке наука и начинает двигаться, причем этот путь связывается у Пригожина с надеждой на преодоление разрыва между гуманитарным и естественно-научным знанием, чему должны способствовать исследования в той междисциплинарной области, которую Г. Хакен назвал синергетикой. И хотя применение в социальных и гуманитарных науках новых синергетических понятий пока еще не показало значимых результатов и больше похоже на модное увлечение, все же само направление мысли исследователей симптоматично. Идет интенсивный поиск универсальных установок, позволяющих с новых позиций «собрать» в нечто целое рассыпавшуюся былую «уютную» классическую картину мироздания с ее тотальными однозначными связями.

Судя по всему, Пригожин склоняется к отказу от детерминистической картины мира на том основании, что прежняя вера в универсальные однозначные связи теперь себя не оправдывает. Что касается подобной веры, то тут трудно не согласиться. К тому же, строго говоря, в *практике измерений* естествознание никогда и не получало точных однозначно увязанных параметров. Такие однозначные связи есть только в поле конструктов, идеальных объектов, идеальных схем, мысленных картин и т.п. Неточности правомерно в ряде случаев не учитывать, отбрасывать, списывать на грубость приборов и ограниченные возможности человека. И только тогда есть шанс добиться представлений о строго однозначной детерминированности.

¹¹ Пригожин И., Стенгерс И. Указ. соч. С. 224.

Конвенциональность в трактовках отношений детерминации (что можно понимать под однозначностью?)

То, что с трудом складывается на первых этапах становления парадигм науки, затем превращается в привычные схемы мышления. О значительных «дозах конвенций» забывают, пока не попадают в зону становления новых парадигм. Конвенции в естествознании классического периода в значительной мере связаны с той методологической позицией, которую называют *наивным реализмом*: отношения идеальных объектов воспринимаются как прямое отражение реальности самой по себе. Физическое знание, пройдя тяжелый путь выработки своих категорий (показательны в этом плане, например, «Диалоги» Галилея), вопреки «очевидной убедительности» аристотелевской динамики останавливается на двух трактовках причин (детерминант) изменений. Это: а) «сила», которая влечет соответствующее изменение траектории объекта и б) «состояние» объекта (например, импульсы и координаты), которое в один момент времени предопределяет «состояние» в другой момент времени. Строго говоря, конвенцией оказывается то, что все несоответствия в практике измерений явно или по умолчанию списываются исключительно на действия субъекта и его приборов, тогда как представления о строго однозначных характеристиках переносятся на физическую реальность (лапласовский детерминизм). Невероятная практическая эффективность новой парадигмы – со всеми своими заметными и скрытыми соглашениями – только усиливает доверие к ней, превращая веру в однозначную стройность мироздания в исходный пункт научных рассуждений, в том числе и в социальной области. На примере О. Конта это хорошо видно.

В квантовой теории неоднозначность возникает только на «нижних этажах» – при соотношении «абстрактных» волновых функций с измеряемыми величинами, выражаемыми, в частности, импульсами и координатами микрообъектов. Собственно, все проблемы кроются как раз в онтологической интерпретации соотношения волновых функций и измеряемых величин. Сами волновые функции могут быть связаны однозначно. Чему приписать эти «неточности»? Приборам? Неполноте квантовой теории? Самим квантовым объектам в их реальном существовании, как бы эту реальность ни трактовать? Научное сообщество, похоже, склонилось к последнему варианту, придавая тем самым онтологический статус вероятностным отношениям и двигаясь, видимо, не по пути А. Эйнштейна в трактовке причинности.

В синергетике просматривается возможность привязки категорий детерминизма и причинности к *новым идеальным объектам и их от-*

ношениям. Но здесь отсутствует линейная простота описания зависимости параметров разного уровня, что, впрочем, демонстрирует уже квантовая механика. Тот же Пригожин в главе под названием «От простого к сложному» упомянутой книги говорит об *иерархии* как отличительной характеристике сложных систем и о понятии *аттрактора* как «путеводной нити», дающей возможность представить эволюцию диссипативных структур. И хотя сам автор склонен связывать детерминизм с традиционными классическими представлениями об однозначности и универсальности связей (индетерминизм ему представляется более адекватным выражением новой ситуации), он все же не вводит и никаких запретов на возможности иной привязки идеальных объектов синергетики к отношениям детерминации.

Более того, он сам очень часто прибегает к использованию термина «детерминизм», когда характеризует поведение статистических систем. Например, говоря о непредсказуемости броуновского движения частиц, Пригожин в то же время отмечает, что «поведение ансамбля детерминистично»¹². А термин «определенность», который по большому счету в динамическом аспекте почти эквивалентен детерминизму, Пригожин употребляет постоянно, в том числе и для описания возможностей *предсказания* и *объяснения* в поведении сложных диссипативных структур. Предсказание и объяснение, по всей видимости, вообще правомерно считать некими инвариантами в процессах исторической смены представлений о детерминизме.

Дело, конечно, не в некоторых терминологических нестыковках пригожинской трактовки детерминизма, которые легко снимаются контекстуально. Дело в том, что и Пригожин, и многие другие крупные ученые, концентрируя внимание на проработке новых парадигм развития науки, еще не определили границы конвенций при использовании новых и старых понятий. Правомерно предположить, что подобные соглашения будут складываться в результате анализа, предпринимаемого не только самими естествоиспытателями или гуманитариями, но и теми специалистами, которые работают сегодня в области эпистемологии и философии науки.

С философско-методологической точки зрения не может существовать никаких запретов на то, чтобы, например, пытаться представлять аттракторы в качестве детерминант эволюции систем, *однозначно* определяющих их движение к финальным точкам. Впрочем, в геометрических образах, к которым прибегает Пригожин, это могут быть и «финальные точки», и определенные линии (например, «предельный цикл» эволюции «химических часов»), и двухмерные «поверхности», и трехмерные «объемы», и, вероятно, другие многомерные структуры с *целыми размерностями*¹³. Важно, что, уточняя понятие

¹² Пригожин И., Стенгерс И. Указ. соч. С. 86.

¹³ Там же. С. 66–70.

однозначности в контексте иерархии параметров в системе, мы сохраняем уверенность и в возможности детерминистического понимания (предсказания и объяснения) поведения этих систем в их реальном существовании.

Труднее сохранить такую уверенность применительно к *странным аттракторам* и соответственно не целым, а *фрактальным* размерностям. «Если ранее существование аттрактора было *синонимом устойчивости и воспроизводимости* (курсив мой. – Г.О.) – выхода на “то же самое” – при любых начальных условиях, то аттракторы с фрактальными размерностями порождают такие типы поведения, которые невозможно ни предсказать, ни воспроизвести». И далее: «Малейшее различие в начальных условиях или малейшее возмущение не затухает, а усиливается аттрактором. Аттрактор определяет режимы, чувствительные к начальным условиям»¹⁴. Очевидно, ситуация принципиально иная, чем с «обычными» аттракторами. Хотя следует отметить, что словосочетание «аттрактор определяет режимы» уже предстает как некая матрица детерминистических утверждений, т.е. сохраняется некоторая надежда «договориться» о трактовке определенных однозначных связей как детерминистических.

В отличие от естествознания, где характеристики объектов исследования проецируются на «экран» функционально-математических отношений, в социальном и гуманитарном знании однозначность часто трактуется как действие некоторого *одного общего и решающего фактора* (сложносоставного!), который с неизбежностью – при всех возможных отклонениях и особенностях, у которых, в свою очередь, *свои причины*, – предопределяет ход и направление социального процесса. Так происходит в технологическом детерминизме, географическом детерминизме, экономическом детерминизме, марксизме (неизбежность перехода от старой формации к новой) и т.п. Именно в противовес такой предопределенности событий, заданной на шкале времени задолго до «прибытия» системы к точкам бифуркации, многие социологи выдвигают различные контрдетерминистические аргументы. Однако дополнительная по сравнению с естествознанием сложность заключается в том, что «общую причину» каждый автор определяет по-своему. В естествознании на этот счет существуют общепринятые соглашения – по поводу тех же «сил», «состояний» и т.п.

Например, в социологической концепции М. Вебера, «расшифрованной» в анализе истории религии, движение общества предопределяется некими фундаментальными детерминантами, прочерчивающими общее направление развития (от «магической стадии» к мировым религиям с разным отношением к миру, к западноевропейской культуре и науке в частности). Эти детерминанты группируются вокруг понятия «рационализация», для понимания которой далеко не

¹⁴ Пригожин И., Стенгерс И. Указ. соч. С. 70.

всегда применимы математические образы, если они применимы вообще. В ценностной проекции веберовской картины мира математические образы вообще кажутся бесполезными: этическая проблематика, вопросы о смысле жизни, выборе жизнеопределяющих решений и т.п.

Что в таких теориях следует считать конвенциями, если социологических теорий, а каждая рисует свой детерминизм, ровно столько, сколько существует самих авторов, каждый из которых, осознанно или нет, вводит свои границы «соглашений»? Еще русский философ С.Л. Франк обратил внимание на подобное «равенство» социологических концепций, а современная социология закрепила ситуацию в понятии *мультипарадигмальности*. В естествознании авторство как бы теряется в трактовках, принимаемых всем научным сообществом. Эти трактовки становятся универсальными и обязательными на какой-то период. Эксперимент «выключает» автора и, при всех оговорках, служит подтверждением или опровержением теории. Социальные же и гуманитарные науки больше похожи на искусство в том смысле, что любая теория неотделима от ее создателя. Это всегда только авторская точка зрения, хотя она и изложена в достаточно рациональной форме, что позволяет выстраивать контраргументы. Какой эксперимент и что здесь может подтвердить? Конвенциональна вся теория целиком? Прав тот, кто убедил и привлек больше сторонников? Существуют более верные и менее верные теории? Имеет ли право каждая теория на конструирование собственных «ключевых детерминант», на основе которых вообще строится всякое объяснение, понимание, прогнозирование и управление социальными процессами?

Но в любом случае в социальном и гуманитарном знании, на уровне качественных характеристик, видимо, проще прийти к соглашениям по поводу утверждений, выражающих детерминистические – однозначные – отношения. Всегда есть возможность подобрать, выявить, определить «параметры порядка», тенденции, состояния и т.п., которые будут связаны необходимым образом, учитывая, что и «абсолютный случай» (или «чистое событие», как говорит Пригожин) – это также идеальный объект. Данный объект строится с помощью специфической операции – феноменологической редукции, «выключающей» характеристики самого внешнего мира с целью выразить их «смысл», используя термины Э. Гуссерля. Если есть возможность подобрать «объекты» с однозначными отношениями зависимости, это и становится основой объяснения, понимания и прогноза. Такой подход не противоречит статистическому разнообразию, например устремлениям множества индивидуальных волей, а, наоборот, базируется на этом разнообразии, выражает его собственные тренды, концентрирует внимание на сознательном (в акте коммуникации) *выборе* направления движения из всего диапазона возможностей.

Детерминизм как концепт. Конструирование социальной реальности

Прежде чем выносить какие-либо вердикты, следует посмотреть на детерминизм и причинность не только как на *научные понятия*, развивающиеся в своих рациональных формах, но и как на *концепты*, включающие весь опыт их формирования и использования в языке и культуре, где увязаны в нечто цельное и понятийные значения, и схемы практических действий, и ценности, и человеческое поведение с параметрами социального управления, включая осознаваемые и неосознаваемые «регуляторы» жизнедеятельности. И хотя термин «концепт» не имеет пока общепринятого содержания¹⁵, его вовлечение в сферу анализа детерминизма может оказаться продуктивным, поскольку он фокусирует внимание на многослойности употребляемых понятий и меняющейся иерархии их характеристик. С этим корреспондирует и когнитивный подход. Если не слишком строго определять рамки последнего и не углубляться в историю философских идей, то можно выделить следующие положения, наиболее значимые для формирования современной концепции детерминизма.

1. *Конструирование социальной реальности по вырабатываемым стереотипам*, что концептуально представлено, например, феноменологической социологией (П. Бергер, Т. Лукман) и радикальным конструктивизмом (Э. Глазерсфельд, П. Ватцлавик). Учитывая этот социологический контекст, детерминизм можно связать с задаваемыми субъектом параметрами порядка, определяющими устойчивое, самовоспроизводящееся функционирование институтов, которые и воспринимаются как объективная социальная реальность.

2. *Представление о научных парадигмах Т. Куна*. Конкуренция подходов и смена парадигм мышления предполагает неизбежное «перереформирование» тех представлений о детерминизме, которые доминируют в периоды «нормального» развития. Важно, что выбор новых парадигм, новых детерминант развития весьма драматически диктуется не только научной логикой с ее известной доказательностью и универсальностью, но и ценностными посылами, которые не имеют такой интерперсональной пластичности и, как правило, «намертво» соединены с индивидами и уходят из жизни вместе с ними.

3. *Роль личностного знания М. Полани*. Неявное знание – одна из существенных, во многом скрытых линий влияния, предопределяющих смену парадигм. В периоды «нормального» развития роль инновационных параметров неявного знания может быть малозаметной и к тому же институционально тормозиться и подавляться через инди-

¹⁵ Анализ различных точек зрения см., например: Обсуждаем статью «Концепт» // Эпистемология и философия науки. 2008. № 4. С. 149–158.

видуальный отбор в системах воспитания, образования, профессиональной подготовки и социального управления в целом (уместно вспомнить «анархистскую теорию познания» П. Фейерабенда). В известном смысле личностное знание – это «сор», из которого растут более четкие вербализованные формы, в том числе и научные понятия. Но это тот сор, который включает в себя много больше, в том числе сегмент принципиально невыразимого содержания, которое, однако, может мгновенно восприниматься субъектами дискурса, если у них близкий менталитет.

4. *Проективная модель познания Г. Фоллмера* (эволюционная теория познания в лице таких авторов, как К. Лоренц, Д. Кэмпбелл, Г. Фоллмер). В соответствии с этой моделью воспринимаемые объекты и их отношения, включая отношения детерминации, есть *гипотезы*, которые верифицируются начиная с уровня сенсорных данных и *отбираются* на принципиально статистическом материале, множестве сигналов, проходя различные физиологические, психологические, а также языковые (включая логику) и другие социальные фильтры. Например, конструкт *лапласовский детерминизм* «закрывает глаза» на все, что не стыкуется с однозначностью связей по всему спектру познавательных механизмов, и использует в качестве «матрицы мышления» те математические соотношения, которые однозначно увязывают все параметры.

В этом контексте уместно упомянуть и революционную идею Ч. Дарвина, который фактически в противовес представлению о линейной предопределенности событий выдвинул гипотезу развития по прецедентам (случаям), заложив тем самым основы нового подхода к детерминизму – как к стохастическому, через случайные мутации, отбору траекторий эволюции видов. Такая «прецедентная» методология продуктивна также и для понимания социальной реальности с учетом, разумеется, центральной роли субъективного выбора (конструирования) детерминант развития и, следовательно, особого баланса сознательных и стихийных моментов в деятельности человека.

5. *Идеи синергетики*, касающиеся прежде всего сложной иерархии детерминант в жизни систем и роли микропричин, запускающих механизмы самоорганизации. Отсюда вытекает принципиально иной подход к пониманию детерминант развития системы, к осмыслению возникающих на их базе механизмов управления вообще и социального управления в частности. Так, подобные идеи наталкивают на мысль, что наиболее эффективные методы управления социальным поведением следует искать не столько в форсированной разработке традиционных функций планирования, контроля и организации – функций, более адекватных формам социально-экономического принуждения в индустриальном обществе, – сколько в точечном воздействии на факторы, запускающие процессы самоорганизации. И чем выше находятся этажи управления, тем важнее становятся подобные

акценты. Социальное управление в постиндустриальном «обществе знания» правомерно представить как акт коммуникации, в котором следует достичь взаимосогласования *персональных конструктов*, если воспользоваться терминологией Дж.А. Келли¹⁶. Подобное взаимосогласование, в частности, сразу же позволяет снять немислимый объем задач тотального контроля над «управляемыми» и вводит механизмы максимально эффективной мотивации всех заинтересованных субъектов.

6. *Современные концепции менеджмента*, демонстрирующие радикальную смену акцентов в подходе к детерминантам социального управления. Эти концепции а) обладают междисциплинарным характером; б) непосредственно ориентированы на практику; в) связаны с обыденными пластами знания; г) тесно сплетены с тем феноменом, который принято называть «искусством управления», т.е. явно предполагают механизмы, не поддающиеся в полном объеме рациональному регулированию, универсальным алгоритмам и т.п. Поэтому о взаимосвязи социального управления и детерминизма следует сказать особо.

«Прецедентный» детерминизм – «прецедентное» управление (статистический порядок в «обществе-рынке»)

В самом общем плане связь социального управления и детерминизма очевидна: управлять – значит целенаправленно использовать детерминанты, определяющие состояние той или иной социальной системы (организации). Однако представления о таких детерминантах весьма изменчивы и имеют такой высокий коэффициент субъективности, что очевидность сразу исчезает, как только мы ставим более конкретные вопросы о выборе первостепенных факторов воздействий на процессы в организациях или стремимся понять перспективы развития общества в целом.

Например, историю управления компаниями можно представить как смену парадигм управления. «Управление по инструкциям», характерное для классического подхода начала прошлого века, сменяется «управлением по целям» во второй половине столетия и заметно смещается в сторону «управления на основе ценностей» в последнее десятилетие. Но даже ограниченная масштабom отдельных организаций классификация ценностей предполагает практически бесконечный перечень определяющих факторов. Здесь и этико-социальные

¹⁶ Kelly G.A. A Theory of Personality. The Psychology of Personal Constructs. N.Y. : Norton, 1963.

ценности (убеждения и поведение человека), и экономико-прагматические (ориентация на эффективность, соблюдение стандартов производства и дисциплины), и эмоционально развивающие ценности (мотивация на самореализацию)¹⁷.

В более широком формате общества проблемы взаимосвязи детерминизма и управления, а также разнообразие взглядов многократно умножаются. Общество во все большей степени проявляет себя как статистическое разнообразие индивидуальных волей, каждая из которых имеет возможность резко расширить зону своих свободных действий на базе современных технологий коммуникации. Такое статистическое разнообразие создает мощное давление на все социальные институты, вынуждая их к трансформации. Но под наибольшим прессом оказывается институт государства, традиционно определяющий (детерминирующий) главные параметры непосредственного социального порядка в обществе. Коммуникации нового типа выводят мировой рынок из-под тотальной власти государств, ставят перед необходимостью развития партнерства между государством и «обществом-рынком». Если гражданское общество еще несколько десятилетий назад было как бы заперто в «национальных квартирах» – с правами, по сути дарованными государственным управлением, – то сегодня прогрессирующие компьютерные коммуникации взрывают подобную замкнутость. Они переводят гражданское общество из «национально локализованного» режима в состояние «глобального гражданского общества», заявляющего свои права на новые правила и механизмы формирования социального порядка¹⁸. Такое гражданское общество уже не «младший брат» государства, но полноценный субъект социального управления, что кардинально меняет иерархию определяющих факторов, сам механизм социального детерминизма и управления.

Классические экономисты XVIII–XIX вв. и неоклассические экономисты XX в. сделали фактически одно и то же открытие рынка – не как «торговой площади», но как социального механизма, отвечающего фундаментальному для общества статистическому порядку. И классическая, и неоклассическая экономическая теория – это теория рынка уровня теории общества. Показательно, что классический экономист А. Смит называл свои экономические труды моральной философией, а неоклассический экономист Ф. Хайек считал, что всякая серьезная экономическая теория по определению обязана быть теорией рынка, поскольку рынок – фундаментальная данность общественной системы¹⁹.

¹⁷ Долан С., Гарсия С. Управление на основе ценностей. М., 2008. С. 35, 88.

¹⁸ См., например: Keane J. Global civil society? Cambridge : Cambridge University Press, 2003; Baber Z. A name for a stray dog – global Civil Society // International Sociology : Journal of the International sociological association. L., 2008. Vol. 23, № 2; Kaldor M. Global Civil Society: An Answer to War. Cambridge : Polity press, 2003.

¹⁹ Caldwell B. Hayek's Scientific Subjectivism // Economics a. philosophy. Cambridge, 1994. Vol. 10, № 2. P. 305–313.

Многие вопросы снимаются, если рассматривать рынок не как узкоэкономическое, но как более широкое социологическое понятие – в виде пространства социальной самоорганизации, социального самоуправления. Более того, статистический характер роднит сложные природные системы и общество. Возникает метафора общего «рыночного закона», согласно которому функционируют вообще все сложные системы в мире²⁰. Если это и преувеличение, то во всяком случае сегодня достаточно ясно, что хозяйственные отношения в своих базовых характеристиках неразрывно связаны с традициями и обычаями, ценностями и нормами каждого общества, его культурой в целом. Заключаемые контракты (договорные отношения) наряду с четкими и прописанными формальными позициями опираются на «скрытые параметры», отражающие не только «чистые» экономические интересы, но и сложную конфигурацию распределения власти и социальных норм.

К широкому социологическому пониманию рынка относится и толкование рыночной экономики в качестве экономического сектора гражданского общества. Рынок в качестве «экономического» гражданского общества представляется институтом социального самоуправления²¹. Глобальное гражданское общество осознается как новая общественная парадигма, в которой равновесие самоуправления/управления смещено в сторону самоуправления – статистического, рыночного начала общества. И это, кстати говоря, может означать, вопреки распространенным стереотипам, не столько «сужение» роли и функций государства, что верно лишь в отношении «старого» государства, сколько их радикальную модернизацию. Происходят функциональные и ролевые смещения в сторону освоения законов рыночного существования. Известный спор государственников и либералов о степени вмешательства в дела рынка сегодня, похоже, теряет свой прежний смысл. Сами государства развитого мира превращаются в особых и уникальных рыночных игроков, имеющих такие интегративные социальные функции, включая управленческие, которые вряд ли способны реализовать другие субъекты.

Государство вынуждено меняться структурно и функционально, в организационном и кадровом отношении – чтобы соответствовать современным вызовам: ускоренной социальной динамике, демократизации социальных институтов, активизации индивидуально-субъектного начала общества²². Общественная система функционирует по фундаментальному для нее механизму взаимодействия (столкновения)

²⁰ См., например: *Моисеев Н.Н.* Расставание с простотой. М., 1998.

²¹ *Резник Ю.М.* Гражданское общество как объект социологического познания // Вестник МГУ. Серия 18. Социология и политология. М., 1995. № 2. С. 36–37.

²² См., например: Государственное управление и развитие 2005 г.: доклад Генерального секретаря ООН (A/60/114). – <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/UN/UNPAN021184.df>.

множества индивидуальных волей, вынужденных действовать в режиме взаимных компромиссов и соответствующих договоров. В такой системе подсистема власти (управления), прежде всего политической, является по сути только специфической *частью* социального самоуправления (самоорганизации) и на основе контроля со стороны гражданского общества выполняет свои управленческие функции.

В то же время социологи и экономисты уже давно концентрируют внимание на идее о несостоятельности претензий института политики (государства, власти) на особое положение – положение *над* обществом. Подобные претензии свойственны любой корпорации, тем более корпорации политиков, которую конституирует «основной инстинкт» – инстинкт власти. Сама корпоративная форма организации иногда определяется как «негодная социальная технология» (the corporation as a failed technology)²³. Корпоративные и личные интересы неизбежно выдвигаются на первое место. В стереотип превратилась схема рассуждения, согласно которой система власти осуществляет «отрицательный отбор» в свои ряды, если смотреть на процесс пополнения и роста кадров «корпорации власти» с моральной, да и не только с моральной, точки зрения. Противовесом чрезмерных личных и корпоративных претензий выступает соответствующая институциональная среда.

Идея институционального детерминизма – социологически значимая теоретико-методологическая позиция, согласно которой причинно-следственные связи в общественной системе выстраиваются от институтов как «первопричин» социальных событий. Нетрудно заметить, что методологию институционального детерминизма в социологии и политологии второй половины XX в. – начала XXI в. роднит с социальной философией Маркса, эволюционной теорией Дарвина, классической и неоклассической экономической теорией такая концепция развития, согласно которой развитие осуществляется по фундаментальному механизму статистического процесса. Этот механизм предусматривает:

(а) накапливание изменений прецедентного характера, например прецедентное наращивание знаний и технологий в обществе (что напоминает прецедентное накапливание черт нового биологического вида) и т.п.;

(б) прецедентно накопившиеся изменения, которые производят общесистемный сдвиг – система совершает виток развития, переходя в некое новое качество, и в этом своем новом качестве система вновь оказывается в состоянии (а), и т.д.

Механизм детерминации, заложенный в статистических системах, начинает осознаваться в современных социально-гуманитарных

²³ Sovacool B. Broken by Design: the Corporation as a Failed Technology // Science, technology & society. 2010. Vol. 15, № 1. – <http://sts.sagepub.com/content/15/1/1>.

науках, использующих в качестве своей методологии феномен так называемого прецедентного мышления²⁴. Человек сам создает прецедентную социальную среду с нелинейной, прерывистой динамикой – от парадигмы к парадигме. Каждая парадигма представляет фактически новый «договор о детерминантах», новый «договор об управлении» и обновленный «социальный контракт». В «обществе знания» ключевым моментом управления становятся инновационные находки, предопределяющие конкурентоспособность субъекта управления. В выигрыше оказывается тот, кто эффективнее других производит отбор уникальных знаний, которые все в меньшей степени – в отличие от ситуации в индустриальном обществе – могут быть отделены от своего создателя. Без авторской «раскодировки» резко затрудняется использование таких знаний другими акторами, в том числе и любыми субъектами управления, включая государство. Государство теперь, как никогда ранее, вынуждено быть на уровне понимания проблем. Все данные положения – лишь иная формулировка тезиса о возрастающей роли индивидуальных качеств (знаний, навыков) человека в системе управления и в обществе в целом.

* * *

Вопреки достаточно весомым контрдетерминистическим аргументам «матрица» детерминистического образа мышления остается в понятийно-инструментальном обороте научной и практической деятельности, выражая стремление к построению рациональных моделей реальности с их функциями объяснения, понимания и прогноза развития процессов и событий реального мира. Требуется, однако, уточнить новые понятийные смыслы и выработать соответствующие конвенции по поводу трактовки детерминистических отношений, в том числе однозначных связей соответствующих параметров в развитии природных и социальных систем.

Развитие аргументации в рамках концепции *прецедентного детерминизма* и *прецедентного управления* может быть альтернативой распространенному в социологии и науке взгляду на исчерпание ресурсов категории детерминизма и способствовать развитию системного анализа управленческих проблем в их динамике. Особая роль в такой аргументации принадлежит исследованию «конструктивистских аспектов» представлений о детерминизме. В этом плане помимо прочего сам детерминизм может быть рассмотрен как одна из линий обоснования универсального механизма развития в природе и обще-

²⁴ Forrester J. Thinking in Cases // History of the Human Sciences. 1996. Vol. 9, № 3. P. 1–25.

стве. Во всяком случае в рамках той философской альтернативы в понимании самого *конструирования*, которую формулирует, например, И.Т. Касавин²⁵, представления о детерминизме, как кажется, дают в перспективе возможность «монистически» связать *креативность* в природных и социальных системах.

Кроме того, прецедентный детерминизм требует перемещения абстрактных рассуждений о расширении свободы и модернизации управления в обществе на почву реальных коммуникативных социальных связей, блокируя контрпродуктивные представления о существовании неких «очень умных» универсальных схем социального управления, которые почему-то не хотят принять субъекты социальных действий. Проблемы переводятся в инструментальную плоскость перманентного уточнения – и при необходимости смены – действующих регламентов-договоров между субъектами, в том числе между государством и гражданским обществом, с учетом специфики локальных и глобальных условий развития. Такие процедуры снимают неизбежный «атомизм» социального существования, концентрируют внимание на глубинных пластах жизни человеческого рода, который при всех внутренних противоречиях объединен стремлением поставить под максимально возможный контроль турбулентность природной и социальной среды.

²⁵ Касавин И.Т. Конструктивизм: заявленные программы и нерешенные проблемы // Эпистемология и философия науки. 2008. № 1. С. 13.